

© 2010 г.

Н.К. КАПИТОНОВА

**ВИЗИТ Н.С. ХРУЩЁВА И Н.А. БУЛГАНИНА
В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ В 1956 году
(по архивам Президента РФ и МИД РФ)**

Визит советских руководителей Н.С. Хрущёва и Н.А. Булганина в Великобританию в апреле 1956 г. имел поистине историческое значение: это была не только первая в истории поездка руководителей СССР в Великобританию, но и первый после Октябрьской революции официальный визит делегации такого уровня на Запад. Ставшие доступными в рамках работы над российско-британским проектом по подготовке сборника документов эпохи “холодной войны” материалы Архива Президента России в РГАСПИ, а также Архива внешней политики РФ, относящиеся к этому историческому событию, позволяют существенно пополнить наши знания о его подготовке и существо обсуждавшихся на переговорах в Лондоне проблем.

Приглашение Хрущёву и Булганину посетить Великобританию с официальным визитом поступило от британского премьер-министра А. Идена в ходе Женевского совещания в верхах в июле 1955 г. В день окончания совещания он заявил корреспондентам, что “убедился в желании и намерении советских руководителей обеспечить мир во всем мире и в их готовности найти компромиссное решение неурегулированных международных вопросов”. Говоря о политике советского правительства, Иден подчеркнул, что “русские помнят неизмеримый ущерб, причиненный дважды их стране вследствие немецкого нашествия” и осознают, что “новая война может привести к еще более ужасным кровопролитию и разрушениям”. “Целью советских руководителей, – по его мнению, – является в настоящее время создание как можно скорее лучших жизненных условий для своего народа”¹ (об этом он пишет также в мемуарах)².

На британского премьера произвело большое впечатление то, как уверенно держались советские руководители в Женеве, начиная с их приезда во Дворец наций в открытых автомобилях, а также свободное общение с западными журналистами. Он воспринял заявление Н.С. Хрущёва и Н.А. Булганина о том, что они сообщат о приглашении в Москву и “дадут ответ только на следующее утро” как подтверждение того, что позиция советской делегации в Женеве являлась “в действительности коллективным решением и коллективным отношением к международным проблемам”³.

Приглашение посетить Великобританию с официальным визитом, сделанное советским руководителям, стало неожиданным для ее западных партнеров. Между тем с высоты сегодняшнего дня оно уже не кажется таким экстравагантным, а скорее находившимся в духе сложившейся и впоследствии подтвержденной в англо-советских

Капитонова Наталья Кирилловна – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета).

¹ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 386, л. 38.

² См.: The Memoirs of The Rt. Hon. Sir Anthony Eden. Full Circle. London, 1960, p. 301–302.

³ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 69, д. 386, л. 39.

отношениях традиции, когда британская сторона первой из стран Запада делала шаги навстречу Советскому Союзу (как, впрочем, и в противоположном направлении). В тот период британские партнеры встретили инициативу Идена настороженно, а США и вовсе “с нескрываемым раздражением”. В американской печати даже проводилась мысль об опасности, которая якобы грозила в этой связи отношениям Великобритании с Америкой, а также с другими странами⁴. В шифротелеграмме посольства СССР в Лондоне сообщалось, что “правящие круги США не заинтересованы в приезде советских руководителей в Англию и принимают меры к тому, чтобы помешать этому визиту и возможному улучшению англо-советских отношений в результате визита”⁵. Что касается советского руководства, то, предполагая улучшить в результате переговоров отношения с Великобританией, а также, закрепив “дух Женевы”, добиться ослабления международной напряженности, оно с готовностью откликнулось на приглашение британского правительства.

Каковы были мотивы предложения, сделанного Иденом?

Советское посольство в Великобритании объясняло это следующим образом:

– заинтересованностью Великобритании, которая испытывала серьезные экономические трудности, опасалась ядерной войны, но вынуждена была в условиях продолжающейся гонки вооружений поддерживать высокие военные расходы, в достижении соглашения с Москвой по вопросу европейской безопасности (по всей видимости, как считало посольство, Иден не оставил идеи о создании системы безопасности, основанной на соглашении между двумя блоками – НАТО и Организацией Варшавского договора – при сохранении разделенной Германии, идеи, прозвучавшей в ходе Женевского совещания в верхах и под нажимом США временно “замороженной”);

– заинтересованностью перед лицом обострения конкуренции на мировых рынках добиться расширения внешней торговли, в том числе торговли с Советским Союзом;

– стремлением Великобритании “всячески помешать сближению и нормализации отношений между СССР и США”, добиться, чтобы “Англия не осталась в стороне в общей системе советско-американского сближения”. В письме посольства подчеркивается, что после Женевского совещания “в британских политических кругах преобладает состояние напряженного и настороженного наблюдения” за дальнейшим развитием советско-американских отношений. Британская делегация и лично Иден, которые намеревались играть роль “посредника и координатора” во взаимоотношениях между Эйзенхауэром и Булганиным в Женеве, столкнувшись с установлением непринужденных дружественных отношений между советской и американской делегациями, оказались по сути дела в “положении третьего лишнего”. Поэтому “как когда-то во времена Бисмарка Германию “мучил кошмар коалиций”, так теперь Англию во времена Идена “мучает кошмар сближения и установления дружественных отношений между СССР и США”. По мнению посольства, сам факт приглашения советских руководителей британским правительством, которое “добивается того, чтобы Англия не осталась в стороне в общей системе советско-американского сближения”, следует рассматривать в этом аспекте⁶.

Сыграло также роль стремление Идена перейти к созданию атмосферы взаимного доверия путем установления персональных отношений с советскими руководителями. Кроме того, демонстрация сближения с Советским Союзом должна была, по замыслу, укрепить позиции тори внутри страны.

Исходя из того, что (по вышеизложенным соображениям) Великобритания будет “пытаться всячески противодействовать улучшению советско-американских отношений”, перед делегацией СССР на переговорах в Лондоне наряду с улучшением советско-английских отношений ставилась задача противодействовать “всем попыткам англий-

⁴ Архив внешней политики (далее – АВП) РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 107.

⁵ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 386, л. 99.

⁶ Там же, л. 43, 44.

ских правящих кругов тормозить и расстраивать нормализацию отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами”⁷.

Для рассмотрения на переговорах с британскими руководителями посольство СССР в Лондоне предложило следующие вопросы:

– “о возможности заключения договора о дружбе и ненападении” (после аннулирования советским правительством 7 мая 1955 г. в ответ на ратификацию Великобританией Парижских соглашений о включении ФРГ в НАТО англо-советского союзного договора от 1942 г. “как утратившего силу” наши страны не имели общеполитических договорных отношений (на протяжении всех последующих лет советская дипломатия настойчиво ставила этот вопрос перед британской стороной, но положительно он был решен лишь в 1992 г., когда перед лицом объединившейся Германии Лондон посчитал необходимым иметь в лице Москвы дружественного партнера. Впрочем, вопреки рекомендациям на переговорах в Лондоне в 1956 г. вопрос о договоре не поднимался);

– о заключении англо-советского “соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии”, что “способствовало бы установлению доверия” между СССР и Великобританией;

– о поддержании и продолжении военных связей (рассматривая обмены визитами военных кораблей как первый шаг на пути расширения этих связей);

– “о восстановлении и расширении торговли на прочной основе” (примечательно, что уже в то время ставился вопрос о заключении “длительного соглашения сроком на 10–15 лет при условии отказа Англии от политики ограничений в отношении торговли с СССР”, на деле же такое соглашение было подписано лишь 18 лет спустя);

– “о расширении англо-советских культурных отношений на официальном уровне, через Британский Совет”;

– “об устранении значительной части, если не полностью, ограничений, которые в настоящее время распространяются на советских дипломатов в Англии и английских в Советском Союзе”. Следует отметить, что ограничения, введенные британским правительством, были дискриминационными, так как распространялись только на советских дипломатов, в то время как ограничения в СССР действовали в отношении всех иностранных дипломатов⁸.

В дополнение к указанным выше, предложения к предстоявшим переговорам 2-го Европейского отдела МИД СССР включали следующие вопросы: коллективная безопасность в Европе и германский вопрос, сокращение вооружений и запрещение ядерного и термоядерного оружия, вопросы, относящиеся к КНР (в частности, восстановление законных прав КНР в ООН, проблема Тайваня и пр.), урегулирование вопроса об Индокитае в свете выполнения Женевских соглашений и с учетом того, что министры иностранных дел обеих стран выступают как сопредседатели Женевского совещания по Индокитаю, снятие напряженности на Ближнем и Среднем Востоке (“в частности, рассмотреть вопрос о возможности предоставления великими державами гарантий тем странам этого района, которые выразили бы пожелание провозгласить свой нейтралитет”)⁹.

Не случайно особое место на предстоящих переговорах отводилось проблеме Ближнего Востока. Понимая, что ближневосточный регион, который превратился в очаг международной напряженности, по причинам экономического и исторического характера имеет для Великобритании особое значение, Москва ожидала, что на переговорах в Лондоне Иден в той или иной форме затронет этот вопрос, в том числе о поставках советского оружия арабским странам. Учитывая “особую заинтересованность и роль Египта в палестинском вопросе”, было принято решение предварительно выяснить точку зрения его руководителя Насера относительно арабо-израильского урегулирования. В указаниях советскому послу в Каире подчеркивалось: “По мнению

⁷ Там же, л. 45.

⁸ Там же, л. 46–48.

⁹ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 8.

Советского правительства, политическая и военная обстановка на Ближнем Востоке складывается в настоящее время таким образом, что она чревата возможностью осложнений и вмешательства в дела арабских государств со стороны США и Англии. Интересы укрепления независимости арабских государств, а также интересы ослабления международной напряженности в целом требуют принятия таких мер, которые затруднили бы вмешательство западных держав в дела Арабского Востока и могли бы повести к ослаблению существующего напряжения в этом районе, особенно в районе Палестины". Москва выражала согласие с соображениями Насера о том, что "одной из важных задач политики на Ближнем Востоке сейчас является выигрыш времени и недопущение того, чтобы колониальные державы – Англия и США – воспользовались арабо-израильским конфликтом для одностороннего вмешательства в обход ООН в дела независимых государств Ближнего Востока и для ввода своих войск на территорию этого района"¹⁰.

В одобренном ЦК КПСС проекте указаний советской делегации в части, касавшейся положения на Ближнем Востоке, формулировались основные моменты, которые необходимо было обозначить на переговорах в Лондоне: пагубность проводимой Великобританией политики сколачивания и расширения военных блоков (Багдадского пакта), необходимость мирного урегулирования арабо-израильского конфликта на основе соблюдения принципов ООН, справедливого решения палестинского вопроса и проблемы беженцев, статуса Иерусалима и др.¹¹

Важное место среди проблем двусторонних отношений занимало расширение научно-технических связей. В сопроводительной записке к предложением министерства среднего машиностроения по этому вопросу, подготовленной А.П. Завенягиным, Б.Л. Банниковым и И.В. Курчатковым, указывалось: "Такое сотрудничество могло бы оказаться полезным, так как позволило бы обменяться опытом и получить ряд интересных сведений. При этом, естественно, придется ознакомить и английских специалистов с некоторыми новыми разработками и показать ряд лабораторий в Лаборатории измерительных приборов АН СССР. Министерство среднего машиностроения считает, что такой показ не нанесет ущерба сохранению государственной тайны, а польза для нас, учитывая, что показ и ознакомление будут осуществлены на основах взаимности, будет определенной"¹².

Что касается британской стороны, то в мемуарах Иден выделяет следующие темы для переговоров с советской делегацией: вопросы англо-советских отношений, а также обмен мнениями по проблемам мировой политики, в частности, ситуации в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, а также вопросы разоружения (в духе обсуждений в соответствующем подкомитете ООН)¹³. Безусловно, наиболее важным для Лондона вопросом были имперские дела, которые складывались "катастрофически плохо". "Великое отступление" Великобритании из Южной Азии, Сирии, Ливана, Ирана, Палестины, Иордании, стремительное падение британского престижа и влияния в странах третьего мира серьезно беспокоило правящие круги страны, рассчитывавшие на эффективные и результативные действия в этой ситуации консервативного правительства. Недовольство "слабостью" правительства, как отмечает академик В.Г. Трухановский, было известно премьеру и "крайне угнетало и раздражало"¹⁴. В этой неблагоприятной для кабинета тори политической и психологической обстановке проходила подготовка визита.

Она началась вскоре после окончания Женевского совещания. Уже 19 сентября 1955 г. в беседе с временным поверенным в делах СССР в Лондоне Н.Д. Белохвостиковым государственный министр по иностранным делам лорд Рединг, на которого было

¹⁰ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 388, л. 150, 151.

¹¹ Там же, л. 146–148.

¹² Там же, д. 387, л. 8.

¹³ *Eden A.* Op. cit., p. 355.

¹⁴ *Трухановский В.Г.* Антони Иден. М., 1974, с. 374.

возложено руководство этой работой, сообщил о создании правительственной комиссии по подготовке приема высокой советской делегации¹⁵.

С советской стороны для создания дружественной атмосферы в двусторонних отношениях в канун визита было дано указание органам печати “придерживаться в отношении Англии дружественного тона и не ущемлять национальных чувств английского народа, не приуменьшать силу Англии и ее роль в международных отношениях, избегать в радиопередачах на Англию тона, напоминающего характер поучения... занять более сдержанную позицию в критике политики английского правительства”, а ответ на враждебные Советскому Союзу выпады со стороны английских официальных лиц давать “в твердом, но спокойном тоне”¹⁶. На заседании Президиума ЦК КПСС 19 апреля 1956 г. было принято решение на время визита “передачи Би-Би-Си, как правило, не забывать и только в случае передач в антисоветском духе идти на забивку этих передач”¹⁷.

Однако известная эйфория, поначалу наблюдавшаяся в данной связи в англо-советских отношениях, вскоре заметно ослабела. Это было связано с реакцией британского правительства на высказывания Хрущёва и Булганина против колониализма, сделанные в ходе их визита в Индию, Бирму и Афганистан. Проявлявший повышенную чувствительность в колониальных вопросах Лондон воспринял это с раздражением, усмотрев серьезный выпад против политики правительства консерваторов. Выражая мнение определенных кругов, настроенных против нормализации отношений с СССР, некоторые британские газеты даже поставили вопрос о целесообразности в этих обстоятельствах приезда советских деятелей в Великобританию. Как указывалось в шифротелеграмме посольства из Лондона со ссылкой на американскую печать, против приезда советской делегации был настроен также Черчилль, который даже советовал Идену “найти приемлемую форму отказа от своего приглашения”¹⁸. Впоследствии это нашло свое подтверждение в многотомной биографии Черчилля, написанной М. Гилбертом, который приводит соответствующую выдержку из переписки Черчилля с Иденом. Черчилль, правда, не был уж слишком категоричен, указывая, что “до апреля еще много времени”¹⁹.

Вопрос предстоявшего визита обсуждался на встрече Хрущёва с одним из руководителей лейбористской партии, будущим лидером и премьер-министром Г. Вильсоном, состоявшейся 12 января 1956 г. Последний подчеркивал, что “очень многие англичане были бы разочарованы, если бы эта поездка не состоялась”. В свою очередь, Хрущёв заявил, что в этом вопросе всё зависит от английского правительства: советские руководители хотели бы поехать в Англию, считая, что эта поездка будет полезной для обеих стран, но в то же время не хотели бы ставить в неловкое положение тех, кто их пригласил, если у них за последнее время возникли какие-либо новые соображения. Разъярившая советскую позицию, Хрущёв повторил свое высказывание о том, кто несет ответственность за развязывание Второй мировой войны, которое также вызвало критические комментарии в британской прессе: о “двойной игре” и “глупой политике” правительства Чемберлена, которое, “используя чувства ненависти к большевизму, поощряло Гитлера двинуться на Восток”. При этом переговоры военных миссий в Москве в августе 1939 г. были, по словам Хрущёва, лишь маскировкой попытки сторговаться с Гитлером за спиной Советского Союза. “Если бы накануне Второй мировой войны между правительствами СССР и Англии было достигнуто взаимное понимание, то война была бы предотвращена, так как силы этих двух стран намного превосходили силы Гитлера”, – заявил Хрущёв²⁰. Заметим, что рассекреченные впоследствии документы советской и британской внешней политики того периода подтвердили правоту его высказываний о предвоенной политике кабинета Чемберлена.

¹⁵ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 5.

¹⁶ Там же, л. 32.

¹⁷ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 389, л. 37.

¹⁸ Там же, д. 386, л. 99.

¹⁹ *Gilbert M.* “Never Despair”. Winston Churchill, 1945–1965, London, 1988, p. 1169.

²⁰ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 349, л. 77–79.

Согласившись с собеседником в принципе, Вильсон между тем заметил, что Черчилль, равно как и Иден, были в то время в оппозиции правительству. В беседе были также затронуты вопросы, связанные с ситуацией на Ближнем Востоке, при этом Хрущёв прямо заявил, что “английским империалистам нужен не сам Ближний Восток и не арабы”, а ближневосточная нефть, только в нынешних условиях они “действуют уже не как завоеватели, а под видом союзников”, старая же колонизаторская политика маскируется различными пактами и союзными договорами²¹.

Это подлило масла в огонь и на встрече с Булганиным, состоявшейся 1 февраля 1956 г., британский посол в СССР У. Хэйтер по поручению правительства Идена сообщил, что оно “было несколько удивлено рядом выступлений, сделанных советскими руководящими деятелями в Индии и других странах” и что “эти выступления были умышленно рассчитаны на то, чтобы увеличить напряженность в международных отношениях и нанести ущерб отношениям между Советским Союзом и Великобританией”²². В ответ Булганин заявил, что “мы всегда говорили и будем говорить” о несоответствии британской “колонизаторской политики” “нашим взглядам и нашей идеологии”, об антисоветской направленности Багдадского пакта (это заявление прозвучало также в речи Хрущёва на сессии Верховного Совета). Отвергнув поставленный Хэйтером вопрос как “беспредметный”, Булганин в то же время подчеркнул заинтересованность советской стороны в развитии отношений с Великобританией, отметив при этом, что с удовольствием вспоминает о встречах в Женеве с Иденом, в чьем лице “мы видели человека, который правильно поставил ряд вопросов, по которым мы были согласны”²³.

В процессе подготовки к визиту возник ряд спорных моментов. Так, в частности, британская сторона выступила против того, чтобы в состав советской делегации или же в качестве сопровождающего был включен председатель КГБ И.А. Серов. Это мотивировалось тем, что его приезд может спровоцировать враждебные демонстрации, которые испортят дружественную атмосферу. Выполняя “затруднительное поручение” своего правительства, Хэйтер на встрече с Булганиным 31 марта сослался на незаинтересованность “некоторых лиц и организаций” в приглашении Серова и предложил заменить его другим лицом, тем более что тот уже побывал в стране и “смог лично удостовериться в том, какие в Англии принимаются меры по линии охраны”²⁴. Булганин отверг такую постановку вопроса как попытку вмешательства во внутренние дела СССР, указав, что официальный ответ на это представление будет дан британской стороне позже. В его личном послании Идену, врученном британскому послу 3 апреля, подчеркивалось: “Не смотря на оскорбительные заявления некоторых органов английской печати, а также отдельных официальных лиц в ходе поездки в Лондон Серова, советская сторона не хотела придавать этому “серьезного значения, имея в виду, что такие выступления не выражали мнения английского правительства”. Однако нынешняя позиция правительства тори “явилась для нас неожиданной... Никогда не возникал, да и не мог возникнуть вопрос о согласовании первоначального состава сопровождающих нас лиц. Сама постановка вопроса о подобной замене, – говорилось в послании, – не может не затрагивать престижа советской стороны”²⁵. В итоге после дискуссии решено было пойти навстречу этому требованию, равно как и настойчивому пожеланию Лондона, чтобы сопровождавшие Хрущёва и Булганина сотрудники охраны прибыли в страну без оружия.

Как выяснилось впоследствии, согласие с этим требованием вовсе не означало его соблюдения. Забавный эпизод приводит в этой связи в мемуарах видный советский дипломат О.А. Трояновский, который был в то время переводчиком Хрущёва. По окончании визита ему пришлось задержаться в Лондоне. Советская делегация располагалась в гостинице “Клэриджис”. “И вот на следующее утро после отъезда основной части

²¹ Там же, л. 84–85.

²² Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 386, л. 105.

²³ Там же, л. 109.

²⁴ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 65.

²⁵ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 387, л. 109.

делегации в мой номер вошла горничная, неся на серебряном подносе пистолет. Она сказала, что кто-то из нашей делегации забыл его в своем номере. Я поблагодарил, сказав, что постараюсь выяснить, кому он принадлежит. Найдя кого-то из нашей службы безопасности, я передал ему пистолет. Что произошло потом и был ли кто-либо наказан, мне неизвестно”²⁶.

Еще одним осложнением, возникшим в процессе подготовки визита, стала его программа. Ранее советская сторона заявила, что полностью полагается на британскую в вопросе как размещения делегации, так и программы. Сообщение о приезде советских руководителей было с воодушевлением воспринято британской общественностью, и большое количество организаций, предприятий, городов в различных регионах страны обратилось в советское посольство в Лондоне с приглашениями к Хрущёву и Булганину посетить тот или иной город и предприятие, выступить на митинге. Москва не случайно увеличила сроки пребывания делегации до 10 дней – это было сделано для того, чтобы она имела возможность посетить промышленные районы Великобритании и встретиться с трудящимися, что, собственно, предусматривалось первоначальным проектом программы, переданным Хейтером 10 сентября 1955 г. Впоследствии, однако, британская сторона решила сделать этот визит как можно более “закрытым”. В послании Булганину, врученному 20 февраля 1956 г., Иден мотивировал это стремлением “оставить больше времени для бесед между нами”²⁷.

Москва не сомневалась, что кампания, поднятая в британской прессе в связи с высказываниями Хрущёва и Булганина по вопросам колониализма в Индии и Бирме была инспирирована официальными кругами, как и отдельные “стихийные” враждебные демонстрации находившихся здесь (в Великобритании) “прибалтов” и других “перемещенных лиц”. В этой связи советское посольство в Великобритании предлагало опубликовать в нашей печати “подробное сообщение о тех многочисленных письмах и приглашениях, которые получены посольством здесь и непосредственно в Москве и которые свидетельствуют об огромном дружественном интересе, который проявляет английский народ к приезду советских руководителей в Англию”. Москва имела все основания полагать, что “такое сообщение нашло бы широкий отклик как в Англии, так и в других странах”²⁸.

Среди относящихся к визиту документов Архива внешней политики РФ имеется, в частности, письмо национального профсоюза горняков и шахтеров от 22 марта, которое дает представление о том, с каким энтузиазмом ждали в Великобритании советскую делегацию. В нем сообщается, что рабочие “глубоко обижены” решением не посещать Уэльс. “Понимаем, что вы не несете ответственности за эти организационные мероприятия. Но мы искренне просим вас обоих сделать всё возможное, чтобы найти время для встречи с нами”²⁹. Выражая мнение огромного большинства британцев, газета “Дейли Хералд” в номере от 25 апреля подчеркивала: “Хорошо, что русские приехали и что ведутся откровенные переговоры. Все соглашения будут приветствоваться, даже незначительные”. “Мы надеемся, что будут расширяться контакты и обмен любого рода между нашими странами”³⁰.

В личном послании Булганина Идену, обращалось внимание на то, что впоследствии “программа была изменена английской стороной и ознакомление со многими ранее намечаемыми объектами было исключено”, а в окончательной программе от 22 марта предусматривалось посещение фактически лишь одного предприятия – завода компании “Бритиш мотор корпорейшн” в Бирмингеме. “Теперь же, – говорилось далее в послании, – посол Я.А. Малик информировал нас, что из этой окончательной программы исключается посещение и этого промышленного предприятия”. Допуская, что

²⁶ Трояновский О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997, с. 195.

²⁷ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 19.

²⁸ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 386, л. 100.

²⁹ АВП РФ, ф. 69, оп. 48, п. 162, д. 18, л. 95.

³⁰ Там же, л. 91.

такие изменения в программе мотивируются стремлением обеспечить безопасность советских руководителей, Булганин подчеркивал, что “некоторое общение с английским населением, безусловно, было бы полезным для дела дальнейшего сближения народов наших стран и улучшения взаимопонимания между нашими государствами, было бы полезным для тех целей, во имя которых Вы пригласили нас посетить Англию, а мы приняли это приглашение”³¹.

Учитывая все вышеизложенные обстоятельства, вскрывшиеся в процессе подготовки визита, советская сторона поставила вопрос об его отмене или о переносе сроков. В послании говорилось: “Характер изменений, внесенных английской стороной в программу нашего пребывания в Англии, и сделанное мне 31 марта сэром Хэйтером заявление создают у меня и у моих коллег впечатление, что Вы испытываете определенные затруднения в связи с нашим предстоящим визитом, с чем мы, естественно, не можем не считаться. Исходя из этих фактов (вопрос о составе делегации и изменения в программе визита. – *Н.К.*), у нас складывается мнение, что может быть обстановка в Англии сейчас недостаточно подходящая и еще не созрели условия для того, чтобы наша поездка в Англию была бы максимально полезной для обеих сторон. Возникает вопрос, не отложить ли нашу поездку до более подходящего времени, чтобы не создавать трудностей для Вас лично и для английского правительства... Решение этого вопроса мы предоставляем на Ваше усмотрение”³².

Это был точно рассчитанный ход. Идея приезда советских руководителей в Великобританию приобрела к этому времени такую популярность, что от нее просто нельзя было отказаться. В шифротелеграмме из Лондона обращалось внимание на следующее: Иден, возможно, “склонен считать, что в настоящее время обстановка несколько изменилась и те причины, которые побудили его поспешить с приглашением, теперь отпали”³³. Британский премьер сообщает в мемуарах о своих сомнениях относительно визита, однако, “тщательно взвесив все соображения и обсудив их с коллегами”, он пришел к мнению, что приглашение советским лидерам всё же “было выгодно” британской стороне. Что касается высказываний Хрущёва, которому “явно нравилось произносить свои резкие пассажи”, то по мнению Идена, это свидетельствовало лишь о его слабом знании страны, в которую он направлялся, и премьер-министр посчитал, что в ходе визита можно будет исправить эту ситуацию³⁴. По мнению сменившего его на посту премьера Г. Макмиллана, “Иден правильно расценил эти более – менее формальные высказывания [Хрущёва] как часть обычной коммунистической риторики”³⁵. Рассекреченные впоследствии документы британской внешней политики того периода показывают, что резкие высказывания Хрущёва не были такой уж неожиданностью для Лондона – он характеризовался в них как деятель “менее образованный и хуже воспитанный, чем Булганин”, а также как любитель “грубых шуток”, в чем англичане имели возможность убедиться в ходе визита³⁶.

Таким образом, Идену не оставалось ничего другого, кроме как дать визиту зеленый свет. Члены Кабинета сочли, что “следует продолжать политику сосуществования до тех пор, пока нам не удастся перетянуть все нейтральные страны в орбиту Запада”³⁷ (речь о странах третьего мира). Как стало известно из рассекреченных документов, идя навстречу требованиям отдельных воинственно настроенных лиц, британская сторона решила не устраивать для советской делегации обед с королевой, а ограничиться чаем в ее резиденции в Виндзоре³⁸.

³¹ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 61.

³² Там же, л. 62.

³³ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 386, л. 99.

³⁴ *Eden A.* Op. cit., p. 355.

³⁵ *Macmillan H.* Riding The Storm, 1956–1959. New York, 1971, p. 95.

³⁶ The National Archives. Kew, United Kingdom (UKNA). FCO 12/183.

³⁷ Цит. по: *Keeble C.* Op. cit., p. 251.

³⁸ The Times, Jan. 2, 1987.

Окончательная программа визита включала в себя встречу с королевой, беседы в официальной резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, 10 и в загородной в Чекерсе, посещение обеих палат парламента, где советские руководители должны были встретиться со спикером палаты общин, лордом-канцлером и парламентариями, предусматривались также встречи с лордом-мэром Лондона, посещение Королевского морского колледжа в Гринвиче, оперного театра Ковент-Гарден, центра по изучению атомной энергии, поездки в Оксфорд, Бирмингем и Эдинбург и ряд других мероприятий³⁹. Прибыть делегация должна была 18 апреля на главную военно-морскую базу Великобритании – в Портсмут, на одном из самых совершенных в мире на тот период крейсере “Орджоникидзе” в сопровождении эскадренных миноносцев “Совершенный” и “Смотрящий”.

Решение плыть на крейсере вызвало в Великобритании много домыслов, большинство из которых сводилось к тому, что Хрущёв якобы стремился подчеркнуть таким образом военную мощь Советского Союза. “На самом деле, – как указывает О.А. Трояновский, – причина была более прозаичной. В то время страна не располагала четырехмоторными гражданскими самолетами отечественного производства, а тем более реактивными. Хрущёв переживал, что на Женевскую конференцию они с Булганиным прибыли на уже устаревших двухмоторных “Ильюшиных”, в то время как другие делегации использовали большие лайнеры. Вообще он весьма чувствительно относился ко всему, что, по его мнению, унижало его страну. И он нашел типично хрущёвский выход – прибыть на военном корабле”⁴⁰. В беседе с Хэйтером 7 марта Булганин объяснил такое решение советских руководителей тем, что “им теперь трудно летать”⁴¹.

Вместе с тем, для демонстрации успехов СССР в авиастроении в ходе визита были организованы первые полеты в Лондон реактивного самолета Ту-104, который в то время проходил испытания.

По просьбе посольства Великобритании в Москве советская делегация захватила с собой британского военного атташе. По всей видимости, предполагалось, что за время поездки ему удастся осмотреть крейсер. Однако после торжественного обеда в честь дня рождения Хрущёва, в ходе которого, по словам последнего, атташе продемонстрировал, что “хорошо разбирается в спиртных напитках”, и он вынужден был “проспать путевой день крепким сном”⁴².

Прибытие делегации было обставлено торжественно. Согласно международным обычаям отряд советских кораблей был встречен почетным эскортом английских кораблей, а флагманы дважды обменялись салютами. В Портсмуте делегация пересела с крейсера на поезд и отбыла в Лондон, где на вокзале Ватерлоо ее встречали Иден и другие члены кабинета.

Помимо Хрущёва и Булганина в составе советской делегации были также академики И.В. Курчатов и А.Н. Туполев, министр культуры Н.А. Михайлов, первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко, первый заместитель министра судостроительной промышленности А.М. Редькин, заместитель министра внешней торговли П.Н. Кумыкин, а также другие лица из числа руководителей МИД⁴³. Вести переговоры и давать ответы на задававшиеся британской стороной вопросы приходилось главным образом Хрущёву, хотя формально главой делегации был Булганин. Хрущёв поясняет в мемуарах, что, будучи “человеком обтекаемым”, реагирующим на вопросы “по-обыкательски”, Булганин сам понимал, что “не смог бы ответить так, как нужно”. Поэтому он добровольно уступил привилегию вести переговоры Первому секретарю ЦК КПСС. Это, по словам Хрущёва, даже послужило поводом к упрекам со стороны Молотова,

³⁹ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 45–46.

⁴⁰ Трояновский О.А. Указ. соч., с. 195–196.

⁴¹ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 26.

⁴² Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания, кн. 2. М., 1999, с. 269.

⁴³ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 35.

что он “подавлял главу правительства и делегации”, высказанным по ее возвращении в Москву⁴⁴.

С британской стороны в переговорах участвовали, помимо Идена, лидер палаты общин Р. Батлер, глава Форин офис С. Ллойд и его заместитель А. Киркпатрик. Состоялся обмен мнениями как по вопросу советско-английских отношений, так и по вопросам международной обстановки, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, европейской безопасности и германскому вопросу, разоружению и ограничению гонки вооружений. В целом, как отмечалось в информации о переговорах, подготовленной по указанию ЦК КПСС по окончании визита, поначалу официальные “беседы проходили в довольно острой обстановке”⁴⁵. Особенно это относилось к обсуждению вопросов англо-советских отношений и положения на Ближнем и Среднем Востоке. Характерной особенностью переговоров были “откровенность и реализм”, когда обе стороны “высказывали свои точки зрения прямо, без обычных дипломатических уверток”, что позволило им лучше понять позиции друг друга и установить определенную степень доверия. Собственно, ни одна из сторон и не рассчитывала на сближение позиций и достижение соглашения по всем вопросам⁴⁶. Как подчеркивал в мемуарах Иден, проблем, разделявших обе стороны, было гораздо больше, чем объединявших⁴⁷. Отсутствие каких-либо ожиданий в отношении переговоров подтверждает также бывший посол Великобритании в СССР К. Кибл⁴⁸. Что же касается советской стороны, то и у нее, по словам Хрущёва, не было надежд на достижение какой-либо договоренности, а беседы в Лондоне “были переливанием из пустого в порожнее”⁴⁹.

Одной из разделявших стороны проблем была проблема Ближнего и Среднего Востока, к обсуждению которой британская сторона проявила особую заинтересованность. Иден уже на первой встрече с советскими руководителями (на обеде у главы Форин офис 18 апреля) выразил удовлетворение принятым незадолго до начала визита заявлением Министерства иностранных дел СССР “О положении на Ближнем Востоке”, которое, по его мнению, свидетельствовало о стремлении Москвы предотвратить военное столкновение в регионе, в чем был заинтересован также и Лондон. При обсуждении роста напряженности в регионе он обращал особое внимание на опасность возникновения войны между Египтом и Израилем, подчеркивая, что последний в военном отношении пока значительно мощнее Египта, “ввиду чего там очень сильно искушение” воспользоваться этим преимуществом, не исключена война. (“Если бы он, Иден, был в Тель-Авиве, то он, наверное, придерживался бы такой же точки зрения”). В ответ на это Хрущёв дал “должную отповедь”, заявив, что вывод, к которому пришел Иден, является неправильным и что опасно недооценивать Египет. А если Израиль, действия которого поддерживаются некоторыми странами, всё же начнет войну, то он потерпит поражение, так как “на стороне Египта будут прогрессивные силы мировой общественности и найдется немало добровольцев из других стран, которые хорошо могут владеть современным оружием”⁵⁰.

В направленной в ЦК КПСС информации о визите подчеркивалось, что британская сторона пыталась “навязать нам свою оценку положения в этом регионе и протащить выгодные для нее решения”⁵¹. Так, в частности, на утреннем заседании 20 апреля, которое было целиком посвящено обсуждению положения в этом неспокойном регионе, Иден представил проект совместного заявления по вопросу о Ближнем и Среднем Востоке. В нем предлагалось, чтобы в Совете Безопасности в случае, если потребуется

⁴⁴ Хрущёв Н.С. Указ. соч., с. 277.

⁴⁵ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 69, д. 390, л. 93.

⁴⁶ Там же, л. 95.

⁴⁷ *Eden A.* Op. cit., p. 360.

⁴⁸ *Keeble C.* Britain, The Soviet Union and Russia. London, 2000, p. 252.

⁴⁹ Хрущёв Н.С. Указ. соч., с. 270.

⁵⁰ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 390, л. 57.

⁵¹ Там же, оп. 69, д. 390, л. 97.

определить, кто является агрессором в связи с арабо-израильским конфликтом, не применялось вето. Британский премьер мотивировал это предложение тем, что его принятие облегчило бы задачу ООН в определении агрессора и “установлении правды”. При этом, противореча своему более раннему утверждению, он стал доказывать миролюбие Израиля. В свою очередь, советская сторона отвергла это предложение как “совершенно неприемлемое” и противоречащее Уставу ООН⁵². Столкнувшись с категорическим отказом, Иден не стал настаивать на своем предложении.

Еще одним поднятым британским премьером вопросом, по которому стороны заняли разные позиции, был вопрос о поставках оружия в Египет и Израиль. Охарактеризовав поставки Великобританией оружия обоим участникам конфликта как политику “малой течи”, Иден в целях сдерживания там гонки вооружений призвал Советский Союз поддержать ограничение таких поставок в регион, а также повлиять на поставлявшую оружие Чехословакию. С советской стороны идея сдерживания гонки вооружений и сокращения или даже прекращения продажи оружия как Израилю, так и арабским странам, была в целом принята, а обсуждение ее признано полезным. Однако при этом указывалось, что одной англо-советской договоренности по данному вопросу было бы недостаточно, так как другие страны, в том числе США, Франция, Канада, продолжали бы поставлять вооружение странам региона. При этом “англичанам было прямо сказано, что если бы Советский Союз и дружественные ему страны дали бы слово не продавать оружие арабским странам, то это было бы расценено в этих странах так, что мы заняли как бы произраильскую позицию и отступили от поддержки арабских стран”, а в более широком плане – “что мы меняем свою позицию не в пользу народов, которые нуждаются в нашей поддержке”⁵³.

Во время одной из бесед С. Ллойд заявил как бы в шутку: “Одна птичка шепнула англичанам на ухо, что Советский Союз ведет переговоры о продаже оружия Йемену”. Последовал ответ: “Нам со всех заборов птицы громко кричат о том, что англичане создали агрессивный Багдадский пакт, что они вооружают страны, входящие в этот пакт, толкают эти страны против Советского Союза, против арабских стран, против Индии, Афганистана и других стран”. И поэтому продажа оружия арабским странам “соответствует интересам борьбы против Багдадского пакта”⁵⁴. Впоследствии стороны согласились не упоминать о сокращении поставок вооружения Израилю и арабским странам в итоговом заявлении.

Иден также поднял вопрос об огромном значении для Великобритании по крайней мере в течение еще 20 лет, поставок нефти из района Персидского залива, без которых экономика страны была бы подорвана. Именно поэтому, по его словам, Великобритания так “чувствительна” в отношении этого региона. “Мы должны защищать жизненно необходимые для нас районы, из-за нефти нам пришлось бы воевать”, – с расстановкой произнес Иден⁵⁵. Это заявление Хрущёв воспринял с излишней горячностью, расценив его как угрозу в адрес Советского Союза, “угрозу, которую мы отвергаем”. “Мы решительно против войны и прибегаем к ней только в порядке самозащиты, – сказал он. – Можно не сомневаться, что мы будем защищаться как следует и дадим достойный отпор, если будет совершено нападение на нас и на страны, подписавшие Варшавское соглашение”⁵⁶.

Учитывая это “шантажистское” заявление Идена, советская сторона подчеркнула, что главной причиной обострения напряженности в регионе является политика создания военно-политических группировок, в частности, Багдадского пакта, используемого Великобританией для подстрекательства против СССР Турции, Ирана и других стран. Хрущёв назвал создание этого пакта “делом рук англичан”, что подтверждалось аме-

⁵² Там же, оп. 64, д. 390, л. 58–59.

⁵³ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 390, л. 8.

⁵⁴ Там же, л. 63, 64.

⁵⁵ Там же, д. 389, л. 88.

⁵⁶ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 389, л. 74.

риканцами в доверительных беседах с советскими представителями. Что же касается так называемой “помощи”, которую получают участники пакта, то она “идет не на экономическое развитие этих стран, а на военные цели”. Как было подчеркнуто, “при оценке нами Багдадского пакта мы исходим также из того, что эта организация создана в районе, граничащем с Баку, нефть которого имеет важное значение для экономики Советского Союза”⁵⁷.

Заявление Идена о том, что по мере ослабления международной напряженности направленность Багдадского пакта будет изменяться (“ему всё более будет придаваться экономический характер”) было отклонено как не соответствующее действительности. Советская сторона предупредила, что “будет всеми доступными ей средствами вести борьбу с этим пактом, чтобы добиться его ликвидации или же сведения его до такого состояния, чтобы он перестал действовать”⁵⁸.

В Записке Хрущёва и Булганина о пребывании в Великобритании, направленной в ЦК КПСС 23 апреля, указывалось, что “вся беседа по вопросу Ближнего и Среднего Востока носила в общем острый характер” и что обмен мнениями по этому вопросу продемонстрировал намерение Лондона продолжать политику, “одним из проявлений которой является разжигание конфликтов между странами Ближнего и Среднего Востока, особенно между Израилем и Египтом”⁵⁹.

На заседании 25 апреля при согласовании совместного заявления Хрущёв смягчил позицию советской стороны, признав большую заинтересованность Великобритании в ближневосточном регионе и подчеркнув, что “мы в своей политике хотели бы найти такое направление в данном районе, которое бы не было направлено против вас”. Эти слова британская сторона восприняла с удовлетворением⁶⁰. Информация о переговорах в Лондоне по вопросу Ближнего и Среднего Востока была направлена для ознакомления президентам Египта, Сирии и Ливана.

Стороны также обменялись мнениями “по вопросу о Дальнем Востоке”. Отметив, что благодаря мерам, принятым Великобританией и Советским Союзом (имелось в виду соглашение по Индокитаю 1954 г.) “в настоящее время обстановка там спокойная”, Иден выразил пожелание, чтобы вопрос о Тайване “был решен без применения силы”. Он также подчеркнул, что британское правительство “стоит за проведение свободных выборов во Вьетнаме и добивается согласия на это южновьетнамского правительства”. В то же время он высказался за достижение соглашения с советским правительством по вопросам этого региона без созыва нового совещания по Индокитаю (в противовес тому, на чем настаивала КНР). В свою очередь, Хрущёв заявил, что как Тайвань, так и прибрежные острова являются неотъемлемой частью Китая, и “если вопрос о них не будет решен дипломатическим путем, то китайский народ, вероятно, найдет другие пути его решения”. Иден подтвердил позицию британской стороны по вопросу об островах, заключающуюся в том, что они должны быть возвращены Китаю, что же касается Тайваня, то здесь ситуация немного другая. “Надо же Чан Кайши где-то жить”, – заметил он “в шуточной форме”. В ответ на требование Хрущёва восстановить законные права КНР в ООН, британский премьер попросил, “чтобы на него не нажимали в этом вопросе. Англия установила дипломатические отношения с КНР и считает правительство КНР единственным законным правительством Китая”⁶¹.

На переговорах в Лондоне состоялся откровенный обмен мнениями также по проблемам разоружения. Этому было посвящено дневное заседание 20 апреля. Всестороннюю характеристику предложениям по этому вопросу СССР, Великобритании, Франции и США, находящимся на обсуждении в подкомитете Комиссии ООН по разоружению, дал А. А. Громько. Говоря о советском проекте, он особо подчеркнул предложение о со-

⁵⁷ Там же, л. 74, 75.

⁵⁸ Там же, д. 390, л. 62, 86.

⁵⁹ Там же, д. 389, л. 75.

⁶⁰ Там же, д. 390, л. 8, 9.

⁶¹ Там же, д. 389, л. 139–143.

гласовании уровней вооруженных сил ведущих держав, создании в Европе специальной зоны инспекции (это предложение совпадало с тем, что предлагал Иден годом ранее на встрече в верхах в Женеве), а также некоторые частичные вопросы (запрещение испытаний ядерного оружия, сокращение военных бюджетов на 15%, а также достижение договоренности о том, чтобы иностранные войска, расположенные на территории Германии, не имели ядерного оружия). Что касается предложений западных партнеров, то они увязывали вопросы обычных вооружений и ядерного оружия, настаивая на запрещении его производства, но обходя вниманием вопрос об уничтожении уже имевшихся арсеналов, а также поддерживали предложение Эйзенхауэра о проведении аэрофотосъемки. Кроме того, достижение договоренности по вопросам разоружения ставилось Западом в зависимость от решения других политических проблем, в частности, германской проблемы, что не могло, по мнению советской стороны, быть основой для приемлемого решения. Таким образом, дискуссия по этой проблеме в подкомитете сводилась в основном к взаимному разъяснению позиций сторон. Хрущёв сообщил о сокращении СССР своих вооруженных сил на 640 тыс. чел., назвав это “не тактическим маневром, а осуществлением правильной линии в направлении разоружения”, и подчеркнув готовность предпринимать и дальнейшие шаги в этом направлении⁶².

Со своей стороны, Иден повторил британские предложения, по существу подтвердив то, что уже было сказано Громыко. В этой связи Хрущёв поставил “еретический” вопрос: “Действительно ли хотят страны решать вопрос о разоружении? Не тратят ли они зря время? Не являются ли все разговоры о разоружении обманом общественного мнения, чтобы создать у народов иллюзию, что есть, мол, такая организация, которая думает о проблеме разоружения”. Иден отменил это предположение, заявив, что к британцам это не относится. Хрущёв тут же уточнил, что имеет в виду не Великобританию, а, например, “такое государство, как Монако”, что вызвало общий смех и немного разрядило обстановку⁶³.

Предложение об аэрофотосъемке Хрущёв назвал “неприемлемым”, “демагогическим” и “не заслуживающим серьезного внимания”. Он выразил убежденность в том, что в случае если бы Советский Союз принял это предложение, то американская сторона сделала бы всё, чтобы от него отказаться. “Можно ли допустить, – рассуждал Хрущёв, – чтобы американцы согласились допустить наших специалистов на их атомные и другие заводы с целями контроля. Мыслимо ли это?” Кроме того, добавил он, это предложение имеет “какой-то шпионский характер. Зачем американцам облетать нашу страну? Мы сами не фотографировали всю свою страну, так как в этом нет нужды. Кроме того, это и дорогое занятие. Дорогое и бесполезное”. Хрущёв сообщил Идену о своем разговоре на эту тему с Эйзенхауэром в Женеве. Выслушав рассуждения советского руководителя об аэрофотосъемке, президент США заметил: “Вы не военный. А вот спросите у маршала Жукова, он Вам скажет, что такие материалы ему нужны”. “Спросили мы у маршала Жукова, – продолжил Хрущёв, – и тот сказал, что такие материалы ему как военному не нужны”⁶⁴. На этом дискуссия по разоружению была закончена.

При обсуждении 24 апреля итогового совместного заявления в части, касавшейся вопросов разоружения, советская сторона настояла, чтобы из него была убрана предложенная англичанами формулировка, которая ставила договоренность по вопросам разоружения в прямую связь с договоренностью по другим политическим вопросам⁶⁵. Хотя по вопросам разоружения и не произошло заметного продвижения, тем не менее Хрущёв и Булганин посчитали откровенный обмен мнениями по данной проблематике полезным, о чем было сообщено в ЦК КПСС⁶⁶.

⁶² Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 389, л. 98, 99, 26.

⁶³ Там же, л. 105.

⁶⁴ Там же, л. 109, 110–111.

⁶⁵ Там же, л. 178, 179.

⁶⁶ Там же, оп. 69, д. 390, л. 96.

При обсуждении вопроса европейской безопасности на заседании 19 апреля Иден попытался “развернуть дискуссию” по германскому вопросу, настаивая на их рассмотрении в тесной увязке. В ответ Хрущёв вновь повторил позицию, которая была “ясно изложена” на встрече в верхах в Женеве: “Мы считаем искусственным подходом связывать решение вопроса о европейской безопасности с решением германского вопроса. Если вопрос и сейчас ставится так, то из нашей дискуссии ничего не выйдет”⁶⁷. Советская сторона предложила исходить из факта существования двух германских государств, оставив решение вопроса воссоединения Германии самим немцам. В свою очередь Хрущёв предложил для обсуждения “вопрос о выводе из двух частей Германии всех иностранных войск”⁶⁸. Заметив, что над всей проблемой европейской безопасности “нужно еще подумать”, британский премьер сменил тему дискуссии и больше к германскому вопросу не возвращался.

Переговоры в Лондоне вызвали серьезное замешательство в правящих кругах Западной Германии, опасавшихся, что британское правительство может пойти на какое-либо временное урегулирование германской проблемы в ущерб интересам Бонна. Поэтому отсутствие в итоговом заявлении упоминания о Германии было воспринято им с явным облегчением.

Уже в первый день визита 18 апреля в ходе обмена мнениями по вопросу развития англо-советских отношений Иден напомнил, что Россия и Великобритания были союзниками в трех войнах – против Наполеона, а также в Первой и Второй мировых войнах. В то же время после окончания военного сотрудничества, в мирный период наши страны всегда расходились. Назвав это странным, он призвал подумать над тем, чтобы найти новый подход к взаимоотношениям и добиться того, чтобы и в мирный период они были хорошими. Советская сторона согласилась с такой оценкой и высказала убеждение в том, что “если бы накануне второй мировой войны между двумя странами имелось хорошее взаимопонимание, война не возникла бы” (этот тезис Хрущёв неоднократно повторял в своих выступлениях в Великобритании). При хороших взаимоотношениях тогдашнее британское правительство “не прислало бы к нам столь непредставительную миссию летом 1939 г. для переговоров с Советским правительством” (имелись в виду трехсторонние военные переговоры августа 1939 г.). Иден согласился с такой оценкой, доверительно сообщив при этом, что он был решительным сторонником серьезных переговоров с Советским правительством и даже предложил министру иностранных дел Галифаксу свою кандидатуру в качестве главы английской делегации на переговорах в Москве, но этому воспротивился Черчилль. Черчилль, по словам премьера, также был против его поездки, но по другой причине: так как тот был в это время в оппозиции к правительству, его визит в Москву не мог увенчаться успехом⁶⁹. В мемуарах Хрущёв дает высокую оценку “правильной” позиции Идена перед войной.

В ходе неофициальной беседы на обеде у С. Ллойда 18 апреля тот выразил опасение, что проводимые советским правительством мероприятия имеют тактический характер и что СССР по этим соображениям намерен развивать свои отношения с Великобританией в ущерб англо-американским отношениям. В ответ было заявлено, что “мы не ищем щелей в англо-американских отношениях. Наоборот, мы сами хотим улучшения отношений с США и стремимся к этому”. Советская сторона отметила положительную роль самого Идена на Женевском совещании, о чем, по словам советских руководителей, они сообщили Дж. Неру в ходе визита в Индию⁷⁰.

Состоялся обмен мнениями относительно колониальной политики. Во время первой официальной встречи 19 апреля Иден подчеркнул, что принадлежность СССР и Великобритании к различным системам не должна препятствовать улучшению взаимоотношений между ними. Вместе с тем, сказал он, “нужно иметь в виду и противоречия”,

⁶⁷ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 389, л. 28.

⁶⁸ Там же, л. 66.

⁶⁹ Там же, л. 57, 58.

⁷⁰ Там же, ф.3. оп. 69, д. 390, л. 100.

например “в СССР не всегда правильно понимают то, что делает Англия для своих владений”. Хотя он прямо и не упоминал, но было ясно, что речь идет об известных высказываниях Хрущёва в ходе поездки в Индию, Бирму и Афганистан, в которых он клеймил британский колониализм. Иден подчеркнул заслуги Великобритании в предоставлении независимости некоторым бывшим британским колониям. – “Мы гордимся тем, что в течение 50 лет страны, которые раньше входили в Британскую империю, были доведены усилиями английского правительства до такого состояния, которое позволило им иметь самостоятельные правительства и решить свою судьбу по собственному усмотрению”⁷¹.

В свою очередь, глава Форин офис заявил, что многие в Англии объясняют позицию СССР в вопросах колониализма его стремлением распространить свое влияние на весь мир и что целью советской внешней политики якобы является “устранение Британской империи”. В ответ было подчеркнуто, что советская позиция по вопросам колониализма является принципиальной – мы за освобождение от колониального гнета всех народов и за предоставление им независимости. Высказываясь против колониализма, советское руководство, по словам Хрущёва, не направляет критику специально против Англии, а критикует порядки колониальной системы в целом потому, что она изжила себя и не отвечает интересам развития общества. Он добавил, что СССР не может добиваться дружбы с Великобританией и США “за счет отказа от своих принципов. Дружба дружбой, а служба службой. Как у нас говорят; “Хлеб ешь, правду-матку режь”. И всё же, пообещал Хрущёв, СССР будет стремиться воздерживаться от того, что могло бы ухудшить англо-советские отношения, заметив при этом, что “если нам и придется выступать иногда против колониализма, то вы не должны рассматривать такие выступления как проявление неприязни к Англии и помнить, что мы исходим из принципа необходимости предоставления независимости всем колониям”⁷². Выслушав эти объяснения, Иден выразил пожелание, чтобы в Советском Союзе более правильно оценивали то, что делает Англия в отношении своих колоний.

В информации о переговорах в Великобритании для членов и кандидатов в члены Президиума, а также секретарей ЦК КПСС от 7 мая, указывалось, что “разговор на эту тему носил довольно острый характер. Мы решительно отводили упреки Идена и недвусмысленно дали понять, что ни на какую сделку в таком принципиальном вопросе Советское правительство пойти не может, что было бы неправильным обмен мнениями по другим вопросам ставить в зависимость от договоренности по данному вопросу”⁷³.

Иден также поднял вопрос об отношениях СССР со странами Восточной Европы, которые он назвал “сателлитами”. Отметив изменения в советско-югославских отношениях, он поинтересовался, следует ли ждать изменений в отношениях СССР с другими дружественными ему странами Восточной Европы. Это было расценено Хрущёвым как попытка “навязать нам дискуссию по вопросу об отношениях Советского Союза со странами народной демократии”, а также дать понять, что англо-советские отношения “в какой-то степени будут определяться тем, какие у СССР будут отношения” с этими странами. Он дал отпор этим утверждениям, равно как и замечанию Идена о том, что в свое время Сталин якобы не позволил Чехословакии присоединиться к плану Маршалла. В заключение Хрущёв и Булганин отказались обсуждать этот вопрос, квалифицировав такое обсуждение “как вмешательство во внутренние дела третьих стран”. (Подобная попытка уже предпринималась Западом на совещании в Женеве и была отклонена.)

Чтобы охладить пыл британского премьера, “показать несостоятельность” попыток затрагивать подобные вопросы, Хрущёв задал контрвопрос – не может ли Иден объяснить, что произошло в Гватемале, “где законно избранное народом правительство было свергнуто посредством вооруженного вмешательства извне”. В ответ Иден прибег к

⁷¹ Там же, оп. 64, д. 389, л. 13.

⁷² Там же, л. 18, 17.

⁷³ Там же, оп. 69, д. 390, л. 103.

известному приему – сослался на то, что не располагает достаточной информацией по данному вопросу⁷⁴. Эта перепалка еще более обострила обстановку во время беседы.

В этой связи любопытна реакция убежденного сторонника укрепления англо-американского союза У. Черчилля, который следующим образом осадил британского представителя в ООН Диксона, возмущавшегося по поводу вмешательства США в дела Гватемалы: “Принципы только тогда имеют вес, когда они сопровождаются передвижениями крупных сил. Важно соблюдать пропорции. (Далее – повышая голос.) До 79 лет я вообще не слышал об этой чертовой Гватемале... Мы не должны допустить, чтобы из-за Гватемалы ухудшились наши отношения с Соединенными Штатами, от которых зависит безопасность мира”⁷⁵.

Записи протокольных бесед показывают, что порою это были довольно острые обсуждения (например, по вопросу Ближнего и Среднего Востока, колониализма, стран Восточной Европы и др.). Наша делегация не исключала даже возможности сокращения сроков визита, чтобы продемонстрировать британской стороне бесперспективность попыток давления на Советский Союз. В информации о первых двух днях переговоров, направленной в ЦК, даже подчеркивалось: “Мы не исключаем, что, в случае, если последующие беседы будут проходить в том же духе, то мы будем вести дело к тому, чтобы срок нашего пребывания в Англии по понятным соображениям сократить до восьми дней, как было предложено первоначально англичанами. Исходим при этом из того, что таким нашим шагом мы продемонстрировали бы твердость нашей позиции и дали бы ясно понять англичанам, и не только англичанам, на будущее, что всякие попытки обусловливать достижение договоренности с Советским Союзом уступками с его стороны по принципиальным вопросам (вроде вопросов о его отношениях со странами народной демократии и о колониализме) будут и впредь обречены на провал. Вопрос о сокращении программы нашего пребывания здесь решим с учетом обстановки”⁷⁶. Впоследствии острота дискуссий первых дней переговоров заметно спала, стороны, так сказать, “попритерлись” друг к другу, и беседы проходили в более спокойном тоне.

Записи бесед свидетельствуют о том, что Хрущёв вел себя раскованно, много шутил к удовольствию британских участников переговоров. Общеизвестная “образность” его языка оживляла атмосферу и снимала возникшее напряжение, создавая порою определенные трудности для переводчиков. В качестве примера шуток Хрущёва можно привести его замечания о южнокорейском диктаторе Ли Сын Мане, который “хочет оставить после своей смерти дурной запах”, или же обсуждение вопроса о вето в Совете Безопасности – вопроса, на котором “накопилось много пыли”⁷⁷. Багдадский пакт Хрущёв сравнил с “блохой, попавшей под рубашку – вреда организму она не принесет, но беспокоит”. Водородную бомбу – с нашатырным спиртом: “Она хорошо приводит в чувство”⁷⁸. Про американцев (в связи с обсуждением имевшихся препятствий на пути развития торговли с социалистическими странами) сказал, что у них наблюдается “какой-то заворот мозгов”. В ответ на замечание Идена о том, что у СССР всё есть, кроме разве ананасов, Булганин в шутку заметил, что “думаем развивать и производство ананасов”, а Хрущёв тут же окрестил их “ананасами имени Булганина”, что вызвало общий смех. Когда английский переводчик неточно передал его слова, а Трояновский его поправил, первый секретарь ЦК заметил: “Вот так, случайно, можно начать войну”⁷⁹.

Любопытный эпизод описывает журналист-международник В. С. Зорин, который в составе группы журналистов сопровождал Хрущёва и Булганина в Эдинбург. Поездка была краткой, Хрущёв назвал ее “мимолетным кавалерийским наскоком”⁸⁰. На торже-

⁷⁴ Архив Президента РФ, оп. 64, д. 389, л. 27.

⁷⁵ Gilbert M. Op. cit., p. 1009.

⁷⁶ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 389, л. 67.

⁷⁷ Там же, л. 144, 80).

⁷⁸ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 389, л. 89, 152.

⁷⁹ Там же, л. 112, 90, 79.

⁸⁰ Хрущёв Н.С. Указ. соч.

ственном обеде, данном в честь высокой советской делегации, Хрущёв, забыв о тексте своего выступления, который лежал у него в кармане, стал говорить “от себя”. Как обычно бывало в таких случаях, его “занесло”, и выступление приобрело стиль “мы вас закопаем”. Ситуацию спас Трояновский, который не растерялся и стал переводить не прямую речь Хрущёва, а утверждённый официальный текст его выступления. К счастью, в зале не оказалось людей, знавших русский язык, и таким образом удалось избежать неминуемого скандала.

На переговорах также обсуждался вопрос о развитии культурных связей, личных контактов и обмене информацией. Высказавшись за принятие совместной декларации по этим вопросам, Иден тут же вручил советской стороне британский проект документа, который, в свою очередь, был отвергнут как “совершенно неприемлемый”, “поскольку в нем содержится попытка навязать советской стороне такие связи и контакты, которые носили бы характер прямого вмешательства во внутренние дела и нарушение конституционных положений Советского Союза”. “Положения, несовместимые с принципом суверенитета”, уже были отвергнуты советской стороной на Женевском совещании министров иностранных дел. Попросив “не навязывать нам в этом деле того, чего мы не хотим”, Хрущёв предложил установить культурные связи и расширять контакты без вмешательства во внутренние дела друг друга⁸¹.

Перед советскими руководителями был также поставлен ряд частных вопросов, решение которых положительно сказалось бы на состоянии англо-советских отношений (в частности, о выезде из СССР жен британских подданных, а также ряд других). Иден повторил в этой связи сказанное Хрущёвым о Багдадском пакте, назвав такие вопросы теми самыми блохами, которые не причиняют вреда здоровью, но приносят много беспокойства. Хрущёв обещал решить эти вопросы⁸².

Британская сторона настаивала на том, чтобы культурные связи осуществлялись лишь через Британский совет, а не через “дружественные” организации (например, Общество англо-советской дружбы, профсоюзы и пр.). Подчеркнув, что это привело бы не к расширению, а к сужению связей, Хрущёв пообещал учесть замечания британской стороны, а “для ясности” предложил вообще исключить этот пункт из проекта совместного заявления⁸³.

Пожалуй, наиболее спокойно проходило обсуждение вопроса о развитии торговли, в чем были одинаково заинтересованы обе стороны. Основным препятствием здесь были так называемые списки стратегических товаров, установленные натовским Комитетом по координации и контролю над экспортом в социалистические страны. Хрущёв заявил, что “снятие ограничений на продажу товаров это один из тех главных вопросов, который способствовал бы улучшению наших взаимоотношений” и что без его разрешения “не будет никакого серьезного достижения в вопросах разоружения”. Сообщив, что СССР будет “бороться против имеющихся списков ограничений в торговле, даже не зная тех товаров, которые включены в эти списки”, он в то же время отметил: “Это не значит, что мы занимаем отрицательную позицию в отношении расширения торговли”⁸⁴. СССР был готов при условии снятия английской стороной ограничений увеличить в ближайшие четыре года закупки в Великобритании до суммы в 9–11 млрд. руб. (до 1 млрд. ф.ст.), включая размещение заказов на оборудование и суда. Однако из-за вышеупомянутых запретительных списков эта программа так и осталась нереализованной.

22 апреля состоялось чаепитие у королевы Елизаветы в ее резиденции в Виндзоре. Как сообщалось в шифротелеграмме в ЦК КПСС, супруг королевы принц Филипп герцог Эдинбургский выразил большое удовлетворение тем гостеприимством, которое было оказано в Ленинграде английским офицерам и морякам во время пребывания там английской эскадры в 1955 г. При этом он шутливо заметил, что сам хотел бы побывать

⁸¹ Архив Президента РФ, ф. 3, д. 64, д. 389, л. 136, 15.

⁸² Там же, л. 138.

⁸³ Там же, л. 181, 182.

⁸⁴ Там же, л. 173, 111–112, 175.

в Ленинграде инкогнито. Это расценили как возможный намек на его желание посетить Советский Союз. Поэтому до сведения Идена довели, что советское правительство готово пригласить королеву с супругом в любое удобное для них время⁸⁵. Лондон, однако, посчитал, что время для такого визита пока не пришло. (Как известно, королева Елизавета с супругом посетили нашу страну лишь в 1994 г.)

Трояновский в мемуарах приводит следующий любопытный эпизод. В разговоре с Хрущёвым принц, известный своим “умением говорить правильные вещи в самое неподходящее время”, поинтересовался, не опасается ли советский лидер, что однажды в его отсутствие соберется Пленум ЦК и сместит его с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Хрущёв отмахнулся от опасения, а год спустя была организована первая попытка отстранить его от должности⁸⁶.

Состоялась также встреча Хрущёва и Булганина с руководством лейбористской партии. Уже 22 апреля Иден сообщил, что на завтраке в Чекерсе будут присутствовать руководители оппозиции, с которыми можно будет побеседовать хотя бы в течение получаса. Сам он предполагал на это время исчезнуть. Это сообщение было неожиданным для советской стороны, которая, похоже, немного растерялась: Хрущёв сообщил, что у них “нет вопросов к оппозиции”, что они с удовольствием приняли приглашение Идена и приехали в гости к нему, а “к оппозиции у нас никаких дел нет. Мы ставку на оппозицию не делаем”. Это заявление развеселило британскую сторону⁸⁷.

В отличие от правительства консерваторов, с которым советские руководители в ходе обсуждения ряда вопросов добивались взаимопонимания, найти общий язык с лидерами лейбористской партии, оказалось почти невозможно. Об этом свидетельствует печально известный инцидент, случившийся на обеде в честь высокой делегации, данном Исполкомом лейбористской партии 23 апреля, детали которого стали известны благодаря рассекреченным документам из Архива Президента РФ. Согласно стенограмме встреча проходила поначалу в доброжелательной атмосфере, стороны обменялись приветственными речами, было много шуток. А затем присутствовавшие лейбористы выразили пожелание послушать Хрущёва, на которое он с готовностью откликнулся. Заметив, что к выступлению не готовился, он сказал несколько слов о важности развития контактов между марксистами и лейбористами. Далее, сославшись на любимую им поговорку “Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь” (это было встречено одобрительными возгласами), Хрущёв попросил разрешения “говорить откровенно”. Он обрисовал достигнутые Советским Союзом после Октябрьской революции успехи в различных областях, позицию СССР в вопросах разоружения и контроля (“Мы против такого контроля, чтобы контролеры стояли в наших спальнях”), сообщил о том, как идут переговоры с британским руководством. “Договоримся ли мы по всем вопросам? Я думаю, нет, и это понятно, – сказал Хрущёв. – Но мы лучше будем друг друга знать и больше будем иметь друг к другу доверия, а это главное”⁸⁸.

До сих пор его речь сопровождалась одобрительными возгласами и аплодисментами. А дальше Хрущёв по обыкновению стал ругать довоенную британскую политику, двойную игру Чемберлена, стремившегося столкнуть СССР и Германию, беспомощность британской делегации на военных переговорах в Москве в августе 1939 г. (“Пришли таких людей, которые могли только чай пить”). По существу Хрущёв говорил правильные вещи, но при этом неосознанно сделал ряд оскорбительных выпадов в отношении британской стороны (так, в частности, задав вопрос “Где вы были тогда, в 1939 г.?” и, получив на него ответ: “Мы вели войну”, заметил: “Сражаться ума большого не нужно. Надо парализовать войну. Это сложнее”)⁸⁹. Тем не менее, его речь вызвала бурные аплодисменты.

⁸⁵ Там же, л. 169–170.

⁸⁶ Трояновский О.А. Указ. соч., с. 198.

⁸⁷ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 389, л. 145.

⁸⁸ Там же, л. 155, 156.

⁸⁹ Там же, л. 158, 159.

Затем слово взял лидер лейбористской партии Х. Гейтскел. Выразив признательность советским гостям за то, что они нашли время для встречи с лейбористами, а также за откровенность Хрущёва, он заметил, что “говоря о совместной борьбе против гитлеризма, не следует делать акцент на критику действий британского правительства, нужно смотреть вперед, учитывая имеющиеся трудности”. (Впоследствии Хрущёв говорил, что лейбористы защищали политику Чемберлена более рьяно, чем сами консерваторы.) Гейтскел далее выразил удовлетворение по поводу “амнистии для 30 тысяч заключенных в Польше, многие из которых являются социал-демократами”, сообщив при этом, что руководство лейбористской партии подготовило список социал-демократов, всё еще находящихся в заключении в странах Восточной Европы и передает его Хрущёву в надежде, что он использует свое влияние для их освобождения. Тут же он упомянул о еврейском меньшинстве в СССР, которое якобы подвергалось гонениям.

Это окончательно вывело Хрущёва из равновесия. Булганин, по его словам, хотел было “взять этот список и стал говорить, что мы изучим этот вопрос”⁹⁰, но Хрущёв категорически заявил, что никаких списков принимать не будет, никакого вмешательства во внутренние дела СССР не потерпит, а заявление об антисемитизме расценивает как клеветническое. “Я скажу вам откровенно, – сказал он, – легче договориться с консерваторами, чем с вами, господа лейбористы”.

Завязалась острая полемика, в ходе которой, в частности, известный дебошир в лейбористской партии, представитель правого крыла Дж. Браун (будущий министр иностранных дел в правительстве Г. Вильсона), а также ряд других деятелей обвинили СССР в зажиме демократии в странах Восточной Европы. Напряжение, по словам Хрущёва, было очень большим. Слово за слово, и он напомнил присутствующим, что именно социал-демократы стреляли в Ленина, а также убили Урицкого, заявив напоследок, что “лучше идти своей дорогой без таких союзников, вести за собой рабочий класс так же, как мы его вели до сих пор. Лучше не иметь в этом деле таких союзников, как вы”⁹¹. Как отмечает Трояновский, “банкет закончился полным хаосом”. Когда Хрущёв и Булганин покидали зал, они выражали свои чувства с помощью ненормативной лексики⁹².

На следующий день скандал стал предметом обсуждения на встрече с Иденом, который, по его словам, уже знал о случившемся от участников беседы, причем “каждый сообщал об этом по-разному”. Хрущёв “как бы в шутку заметил, что у него складывается впечатление, что консерваторы очень хорошо информированы о положении дел в лейбористской партии”. В ответ на слова негодовавшего Хрущёва явно довольный случившимся Иден просил его быть снисходительным к “этим людям” – ведь они такие “неопытные”. При этом он пояснил, что “политика двух английских партий не всегда соответствует их названию” (намек на то, что лейбористская, т.е. Рабочая партия, не является рабочей)⁹³. В мемуарах бывший премьер подчеркивает, что лейбористские лидеры “недооценили знаний и способностей советских гостей. Интеллектуальный патронаж – это последнее, что станут терпеть люди хрущёвского темперамента и происхождения”⁹⁴.

Вышеупомянутый инцидент, конечно, не был случайным. Учитывая вспыльчивость Хрущёва, не составляло труда просчитать его реакцию на соответствующие вопросы. По всей видимости, руководство лейбористской партии сознательно стремилось к тому, чтобы спровоцировать скандал. Как подчеркивала британская пресса, эта затея тщательно и заблаговременно готовилась тесно связанным с польской и чехословацкой эмиграцией руководством лейбористской партии и была предпринята с ведома и согласия США⁹⁵. Правительство консерваторов, как представляется, было об этом хорошо осведомлено.

⁹⁰ Хрущёв Н.С. Указ. соч., с. 288.

⁹¹ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 389, л. 161–165.

⁹² Трояновский О.А. Указ. соч., с. 199.

⁹³ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 390, л. 37.

⁹⁴ Eden A. Op. cit., p. 360.

⁹⁵ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 146.

Но организаторы не предполагали, что провокация вызовет такой резкий протест среди рядовых членов партии и профсоюзов. Когда Браун выступал в Ливерпуле с оправданием своей позиции, его просто согнали с трибуны. В то же время группа членов парламента от лейбористской партии выступила с инициативой обратиться к советским руководителям с письмом, в котором она собиралась отмежеваться от провокационного поведения партийного руководства. Сбор подписей под таким письмом среди членов парламента явился, по мнению посла СССР в Лондоне Малика, одной из важных причин, заставивших представительную лейбористскую делегацию принести советским деятелям свои извинения по поводу инцидента⁹⁶. Вечером 25 апреля было передано письмо с просьбой о встрече, которая состоялась наутро 26-го в отеле “Клэриджис”. Делегация в составе руководителей партии Гейтскела, Морган-Филипса и Гуча выразила сожаление по поводу случившегося. Обвинив лейбористов в том, что на пресловутом обеде они стали специально его провоцировать, Хрущёв заявил, что у советской стороны сложилось впечатление о тщательной подготовке и предварительном распределении ролей с британской стороны в этом спектакле. Он также выразил возмущение тем, что среди лейбористов не нашлось никого “со здравым рассудком, чтобы одернуть зарвавшегося в своей наглости г-на Брауна”. “Когда языком Даллеса говорят лейбористы, бывшие рабочие, – этого спокойно слушать нельзя”, – сказал он⁹⁷.

Лейбористская делегация охарактеризовала Брауна как человека “шумливого”, заметив в оправдание лидера партии, что его вопросы ставились в вежливой форме. Она выразила полное согласие с утверждением Булганина о том, что такое отношение “недостойно правил гостеприимства”. В ходе встречи стороны признали существование между ними больших разногласий. В заключение Хрущёв обещал “подняться выше личных обид” и в сообщении для печати “сгладить наносные шероховатости, чтобы способствовать укреплению контактов между лейбористской партией и нами”⁹⁸.

Чтобы отвлечь внимание от не получившей поддержки общественности провалившейся акции, руководство лейбористской партии стало “раскручивать” эпизод с разведывательной операцией, предпринятой британской стороной против крейсера “Орджоникидзе”. Эта операция, как известно, закончилась гибелью известного подводника, прославившегося в годы Второй мировой войны, командера Крэбба во время обследования им днища советского крейсера. Через год его изуродованный труп был обнаружен в Чичестерской бухте. Возмущенные фактом проведения подобной операции в момент официального визита, а также провалом британской разведки, парламентарии подняли этот вопрос в палате общин.

До сих пор неизвестно, была ли эта спецоперация военно-морской разведки и МИ-6 санкционирована на самом верш или же Иден пребывал в полном неведении. Высказывалась также версия, что за операцией стояло ЦРУ, а Крэбб был нанят как частное лицо. Вполне возможно, что недовольные инициативой британского премьера США хотели таким образом помешать налаживанию отношений Великобритании с СССР. Что же касается интереса разведки к нашему крейсеру, то он был вполне понятен: на Западе кораблей с такой потрясающей маневренностью, которую он сознательно демонстрировал при заходе в порт, тогда еще не было. В мемуарах Иден, конечно, настаивает на том, что ничего не знал об этой операции. Уже после визита, “4 мая, – сообщает бывший премьер, – мы получили из Москвы ноту с требованием объяснить, что делал водолаз возле двух русских крейсеров в Портсмутской бухте... Мы признали факт того, что Командер Крэбб несанкционированно приближался к русским военным кораблям и выразили наше сожаление и извинения в этой связи”. Нота с извинениями британской стороны от 9 мая была опубликована в “Правде”⁹⁹. Когда оппозиция 9 мая подняла этот вопрос в палате общин, Иден заявил, что никто из членов правительства не давал раз-

⁹⁶ Там же, л. 169.

⁹⁷ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 390, л. 25, 26.

⁹⁸ Там же, л. 30, 34.

⁹⁹ Правда, 11.V.1956.

решения на проведение такого рода операции. “Было бы крайне нежелательно, – сказал премьер, – если бы русские лидеры поверили, что мы потворствовали шпионажу в отношении их кораблей во время дружеского визита в нашу страну”¹⁰⁰.

Извинениями дело не ограничилось.: был даже отправлен в отставку шеф МИ-6 Дж. Синклер (или “Синдбад”, как его называли в международном разведывательном сообществе). Предпринятая лейбористами 14 мая вторая попытка “раскрутить” дело Крэбба также не имела успеха: правительство прибегло к традиционной в таких случаях тактике, заявив, что дискуссия, касающаяся действий разведки, нанесет ущерб национальным интересам, а также англо-советским отношениям. Навязанное лейбористами голосование продемонстрировало поддержку правительства большинством в 87 голосов.

Безусловно, свидетельство Идена не является истиной в последней инстанции, утаил же он данные о знаменитом Севрском протоколе от 24 октября 1956 г., зафиксировавшем сговор Великобритании и Франции с Израилем перед началом тройственной агрессии против Египта. Равно как и лгал парламенту, заявляя 20 декабря 1956 г., будто “не предполагал, что Израиль нанесет удар по Египту”¹⁰¹.

Инцидент поставил правительство Идена в затруднительное положение, что же касается советской стороны, то она, как подчеркивает К. Кибл, не была “ни слишком удивлена, ни серьезно обеспокоена”¹⁰². Хрущёв не верил, что англичане могли планировать диверсию. По его мнению, Лондону не нужны были осложнения в отношениях с Кремлем. Просто “разведка занималась своим делом”. “Мы не придали особого значения этому инциденту, – сообщает он в мемуарах, – хотя и говорили о том, что они нас позвали в гости, а сами шарят по карманам”¹⁰³.

Появившиеся в последнее время в России многочисленные телефильмы и передачи, посвященные этому эпизоду англо-советских отношений, не только не прояснили, но еще больше запутали ситуацию. Что же касается британских архивов, то срок давности материалов, которые могли бы пролить свет на эту операцию, был в конце 80-х продлен вплоть до 2057 г.(!)¹⁰⁴, что вполне сопоставимо с ситуацией вокруг документов о миссии Гесса в Великобританию (май 1941 г.), которые также всё еще ждут своего часа.

Британская сторона предприняла попытку воспользоваться визитом советских руководителей как предлогом для прояснения ситуации, связанной со знаменитыми британскими перебежчиками Д. Маклином и Г. Бёрджесом, которые с 1951 г. предположительно находились в Советском Союзе. Уже в ходе своей встречи с Хрущёвым 12 января 1956 г. Г. Вильсон попросил ответить на вопрос, “что в настоящее время делают Бёрджес и Маклин”. В ответ Хрущёв поинтересовался, считается ли, что они находятся в Советском Союзе и имеются ли у Вильсона их адреса. Получив отрицательный ответ, он сообщил Вильсону, что не может ответить на его вопрос, так как “ни разу не слышал о них от советских деятелей”¹⁰⁵.

Еще одна попытка была сделана корреспондентом газеты “Санди Таймс” Р. Хьюзом в его письме, врученном Молотову при беседе с ним 4 февраля 1956 г. и предназначенном для Хрущёва и Булганина в преддверии их визита. В документе содержалась просьба предоставить ему официальную, “тщательно продуманную” версию истории с Маклином и Бёрджесом, чтобы избавить советских руководителей от неприятных вопросов, которые неизбежно будут задавать корреспонденты, освещающие их визит в Великобританию. “Продуманное заявление, – писал Хьюз, – сделанное, скажем, в дружеском интервью Маклином или Бёрджесом или тем и другим вместе, обеспечит сохранение инициативы, особенно если интервью будет проведено корреспондентом

¹⁰⁰ *Eden A.* Op. cit., p. 365.

¹⁰¹ UKNA, FCO 12/183.

¹⁰² *Keeble C.* Op. cit., p. 252.

¹⁰³ *Хрущёв Н.С.* Указ. соч., с. 286.

¹⁰⁴ UKNA, FCO 12/183.

¹⁰⁵ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 349, л. 88.

здесь, на месте, сотрудничество и сдержанность которого будут по весьма понятным причинам обеспечены, корреспондентом, который представляет в высшей степени консервативную газету”. При этом Хьюз сослался на “старый японский обычай, когда деликатный вопрос задается косвенным образом и в письменном виде с тем, чтобы лицо, к которому он обращен, в случае, если оно даже не желает обсуждать его, могло бы на него не отвечать”. Со своей стороны он обещал, что если ответа не последует, то при необходимости он даже будет отрицать, что когда-либо поднимал этот вопрос¹⁰⁶. Судя по всему, ответа он так и не дождался.

Между тем именно Бёрджес, выполняя поручение Комитета информации при МИД СССР, являлся автором записки от 28 марта, подготовленной к визиту советских руководителей в Великобританию. В ней он высказал свои соображения относительно исторического значения мест, которые предстояло посетить Хрущёву и Булганину. Его описания Портсмута, Гринвича, Бирмингема, Эдинбурга, замечания по поводу “часа вопросов и ответов” в палате общин, приема у королевы, размещения советской делегации, а также по ряду других вопросов, представляют большой интерес¹⁰⁷.

В целях демонстрации успехов советской науки, а также “закрепления приоритета” СССР в ряде областей было принято решение о выступлении члена делегации академика И. В. Курчатова с докладом в Центре по изучению ядерной энергии в Харуэлле. Его выступление произвело глубокое впечатление на британских ученых. Даже консервативная “Дэйли Экспресс” в номере от 26 апреля охарактеризовала его как сенсационное, поскольку Курчатова якобы сообщил аудитории такие данные, которые до сих пор считались секретными, а также дал исчерпывающие ответы на все вопросы¹⁰⁸.

На обеде в честь советских гостей у премьер-министра состоялась их встреча с патриархом британской политики Черчиллем. Он был уже не в самой хорошей форме, ведь ему перевалило за восемьдесят. Но голова, как отмечает Трояновский, “оставалась ясной, а память хорошей”. Разговор длился недолго, но был интересным: Черчилль сказал, что несмотря на злодеяния Сталина, он очень высоко ценит его как “выдающегося лидера, который привел свою страну к великой победе”. Он учил Хрущёва есть устриц, а также посоветовал ему приглядеться к канцлеру казначейства Г. Макмиллану, давая понять, что того ждет серьезный карьерный рост¹⁰⁹. По всей видимости, не высоко ставивший Идена Черчилль уже тогда подыскивал ему преемника на посту премьер-министра. Эта замена произошла в январе 1957 г. после краха Суэцкой авантюры.

Из уважения к советским гостям, которые с балкона для посетителей наблюдали ответы членов правительства на вопросы, редко посещавший парламент Черчилль специально явился на это заседание палаты общин, но уже через 10 минут уснул. Хрущёв отмечает, что ему понравилось, как англичане “отдают дань своей истории”. Вместе с тем заседания и церемонии в парламенте, по его словам, выглядели излишне театрально. Удивительно, “как это такие серьезные люди могут так кукольно обставлять свое заседание и рядиться в одежды балаганного типа”¹¹⁰.

В мемуарах Иден дает высокую оценку советским руководителям. Так, в частности, он подчеркивает, что их отличало “замечательное знание не только специальных проблем Советского Союза, но также и слабых мест мировой политики”, что они были способны вести дискуссии по любым проблемам и делали это без всяких записок и подсказок со стороны советников. “Всю свою жизнь я участвовал в различных международных переговорах, – пишет Иден, – поэтому отношусь к их действиям с уважением. Для нас было бы трагичным и даже фатальным недооценивать этих людей и их эрудицию”. “Я провел с ними почти десять дней в постоянном контакте, и мне казалось, что я узнал их так, как не помогли бы мне это сделать тома депеш. Я нашел их характеры,

¹⁰⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 15а, п. 27, д. 79, л. 10–12.

¹⁰⁷ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 387, л. 27–35.

¹⁰⁸ АВП РФ, ф. 69, оп. 48, п. 162, д. 18, л. 92.

¹⁰⁹ Трояновский О.А. Указ. соч., с. 197.

¹¹⁰ Хрущёв Н.С. Указ. соч., с. 290.

особенно Хрущёва, глубоко интригующими”, – сообщает бывший британский премьер, характеризуя советских руководителей как “простых в обращении и интересных людей”. “Русские поднимались рано, около 6 часов утра. Возможно, западноевропейская пища и напитки им не очень нравились, так как они ели мало, а пили еще меньше. Маршал Булганин отличался хорошими манерами и был сдержан, в то время как Хрущёв был более искривленным”¹¹¹.

Картина визита была бы неполной, если бы мы не сказали о подарках, которые были вручены советской делегацией британской стороне. Об этом дает представление внушительный список (“Предложения о подарках”), подготовленный Министерством иностранных дел СССР совместно с Министерством культуры¹¹². Предлагалось вручить подарки широкому кругу лиц, включая 6 членов Королевской семьи, 10 членов Кабинета, других членов правительства, руководителей парламента, мэров городов, принимающих советскую делегацию, а также других деятелей. Безусловно, самые дорогие подарки предназначались для членов семейства Виндзоров. Так, в частности, для королевы Елизаветы предлагались: “брошь бриллиантовая с сапфиром, пелерина из соболей особого качества, картина Айвазовского “Море”, а также шкатулка с изображением королевской семьи”. Супругу Елизаветы герцогу Эдинбургскому Филиппу – “конь ахалтекинской породы с убранством, шкатулка с портретом королевы, погребец с набором вин”. Для восьмилетнего принца Уэльского (принца Чарльза) были выбраны “конь арабской породы с убранством, комплект советских детских иллюстрированных книг, а также набор кондитерских изделий”. Не были обойдены вниманием королева-мать, для которой предназначалась «брошь золотая “Ландыш” с бриллиантами, ларец из уральских самоцветов, пелерина из соболей», и сестра Елизаветы принцесса Маргарет (“палантин из соболей, брошь бриллиантовая с сапфиром”). Сестра Чарльза принцесса Анна помимо палехской шкатулки, детских книг и конфет получила в подарок трехмесячного живого медвежонка.

Премьер-министру предназначались картина художника Ромаса “Жаркий день” (Волга), чернильный прибор из уральского камня, палехская шкатулка с его портретом, а для супруги Клариссы – кулон с сапфиром на золотой цепочке и палантин из соболей. Получили подарки также министр иностранных дел Селвин Ллойд, лорд-председатель Тайного совета маркиз Солсбери, министр финансов Макмиллан, министры торговли, транспорта, жилищного строительства, топлива и энергетики, здравоохранения, другие члены правительства, а также руководители парламента – спикер Палаты общин В. Моррисон и лорд-канцлер Килмур. “Сувениры” для них – это живопись Бродской, Тихомирова, Кончаловского, Щербакова, Налбандяна, комплекты грампластинок, ларцы из самоцветов, палехские шкатулки, погребцы с винами, фотоаппараты и туркменские ковры.

Не был забыт и ушедший в отставку У. Черчилль, получивший в подарок картину Айвазовского “Прибой” и погребец с набором коньяков. Его супруге, в свою очередь, предназначались “палантин из соболей и кулон с аквамаринном на золотой цепочке”. Имелся также резерв подарков, включавший портсигары золотые и серебряные, часы, ружья, водку, марочные коньяки, наборы духов, кондитерских изделий, икры, крабов и пр.

Что касается подарков британской стороны, которые по существующей в Великобритании традиции были несопоставимо скромнее, то на дневном заседании 25 апреля Иден вручил Булганину и Хрущёву серебряный ларец.

По окончании советско-британских переговоров было опубликовано совместное заявление, в котором подтверждалось уважение сторонами принципов суверенитета и территориальной целостности, невмешательства в дела друг друга, важность вопроса обеспечения европейской безопасности (что же касается средств осуществления этой цели, то признавалось, что договоренность так и не была достигнута), решения пробле-

¹¹¹ *Eden A.* Op. cit., p. 361.

¹¹² АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 70–75.

мы разоружения и необходимость заключения соответствующего соглашения по этому вопросу. В отношении Ближнего и Среднего Востока стороны высказались за оказание необходимой поддержки ООН в ее усилиях по укреплению мира в районе Палестины и выполнение соответствующих решений Совета Безопасности.

Несколько слов об итогах визита. Что касается Великобритании, то широкие правительственные и политические круги приветствовали его итоги, особенно в части, касающейся Ближнего и Среднего Востока, усматривая в этом соглашении начало согласованных действий великих держав по предотвращению войны между Израилем и арабскими странами. В условиях ускорения наблюдавшегося в этот период процесса утраты Великобританией своих позиций в этом регионе (в частности, в Палестине, Иордании, Иране) выраженное советскими руководителями понимание важности бесперебойных поставок в страну нефти было воспринято британской стороной с облегчением. Не случайно газета “Таймс” от 27 апреля в редакционной статье “Стоящее дело”, явно инспирированной Форин офис, дала положительную оценку результатам переговоров, сообщив, что СССР обещает помочь ослабить напряженность в регионе Ближнего и Среднего Востока и с этой целью поддержать соответствующую инициативу ООН. «Это шаг вперед, – писала “Таймс”, – хотя Советский Союз не отказался от своего права наложить вето на любую инициативу, которая ему не понравится». И далее (явно выдавая желаемое за действительное): “Несмотря на некоторые оговорки, кажется ясным, что Советский Союз несколько сошел со своих явно проарабских позиций”¹¹³. Газета также высоко оценила ораторское искусство Хрущёва, поставив его рядом с Черчиллем, о чем Иден не преминул сообщить Хрущёву перед его отъездом¹¹⁴. Позже та же “Таймс” признавала, что с СССР легче было иметь дело, когда он представлял “просто военную угрозу” Западу.

Довольный состоявшимся обменом мнениями, установлением личных контактов с советскими руководителями, Иден в то же время сожалел, что они, “так же как и их предшественники, совершенно уверены в конечном триумфе коммунизма. В этом отношении они полны непоколебимой решимости”¹¹⁵. Тем не менее, он назвал установление определенной степени доверия в отношениях с Москвой “началом начала” (по аналогии со знаменитым высказыванием Черчилля о победе британцев при Эль-Аламейне), первым шагом на пути от “фиксированных позиций к определенной гибкости”¹¹⁶. “Теперь, когда русский визит завершен, необходимо проанализировать нашу политику”, – писал британский премьер в меморандуме членам кабинета 30 апреля. “До сих пор нашим главным оружием сопротивления советским посягательствам были военные средства. Но отвечает ли они современным требованиям?... Готовы ли мы встретить вызов иным оружием? Это представляется мне главной проблемой внешней политики”. А далее следует знаменательное признание: “Я не верю, что у русских есть в настоящее время какие-либо планы военной агрессии против Запада”¹¹⁷.

В британских политических кругах признавали, что международная обстановка в результате визита существенным образом улучшилась, что британские деятели проявили достаточно “разума и такта” при рассмотрении ряда важных проблем мировой политики. Было положительно воспринято высказанное советскими руководителями пожелание относительно содействия Великобритании сближению СССР и США (тем самым было рассеяно подозрение о намерении Советского Союза вбить клин в англо-американские отношения)¹¹⁸.

Возросли личный престиж и влияние Идена как премьер-министра и лидера консервативной партии. И напротив, пошатнулись позиции Гейтскела из-за устроеного

¹¹³ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 104.

¹¹⁴ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 390, л. 36.

¹¹⁵ *Eden A.* Op. cit., p. 362.

¹¹⁶ *Soviet-British Relations Since the 1970s.* Cambridge, 1990, p. 37.

¹¹⁷ *Eden A.* Op. cit., p. 363.

¹¹⁸ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 125, 126.

лейбористами скандала. Британская общественность положительно восприняла сообщение о том, что Иден с благодарностью принял сделанное ему предложение и готовится посетить СССР с ответным визитом в мае 1957 г. В мемуарах он подчеркивает, что в ходе предстоящей поездки надеялся увидеть те места в Советском Союзе, о которых так много читал, будучи еще студентом восточного отделения Оксфордского университета, – Бухару и Самарканд¹¹⁹.

Итоги визита получили высокую оценку в СССР. Об этом говорилось в решении Президиума ЦК КПСС от 3 мая 1956 г., в котором также давалось поручение подготовить полную информацию о состоявшихся в Великобритании переговорах, разослать ее членам и кандидатам в члены ЦК, советским послам за границей, братским партиям, ЦК Союза коммунистов Югославии, а также руководителю Египта. Давалось также поручение “МИД СССР (т. Молотову) продумать наши дальнейшие мероприятия в отношении Ближнего и Среднего Востока и свои предложения по этому вопросу внести на рассмотрение ЦК КПСС”¹²⁰. Как один из результатов установления в англо-советских отношениях благоприятной атмосферы в Москве восприняли заявление министра финансов Макмиллана, сделанное им в палате общин 16 мая 1956 г., о необходимости сокращения расходов на оборону, которые в тот период составляли 9% британского ВВП¹²¹.

Отклики в США были по понятным причинам иными. Уже само приглашение советских руководителей в Великобританию вызвало нескрываемое раздражение. Американская печать акцентировала внимание на опасности подрыва в этой связи особых отношений, риска британского “нейтрализма”, запугивала читателя экспансионистскими намерениями СССР в отношении Ближнего и Среднего Востока. Делались попытки приуменьшить значение итогов визита, сообщалось, что “миссия Хрущёва провалилась”, так как никакого раскола между США и Великобританией (на который якобы рассчитывал Хрущёв) не произошло. О таких намерениях СССР сообщала и французская пресса, освещавшая визит довольно подробно. Выражалось недовольство тем, что на переговорах был достигнут некоторый прогресс в развитии англо-советских торговых отношений, но в то же время с удовлетворением отмечалось, что сохраняются списки стратегических товаров, что не произошло сближения между коммунистами и лейбористами¹²².

К сожалению, начавшееся налаживание англо-советских отношений было уже осенью 1956 г. по существу сведено на нет в результате предпринятой правительством Идена тройственной агрессии против Египта и решительными ответными мерами Москвы, направленными на ее прекращение.

¹¹⁹ *Eden A.* Op. cit., p. 362.

¹²⁰ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 64, д. 390, л. 49.

¹²¹ АВП РФ, ф. 69, оп. 43, п. 181, д. 25, л. 126.

¹²² Там же, л. 109, 110.